

Государство и политическая форма

Карл Шмитт

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

Карл Шмитт

**Государство и
политическая форма**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2010

Шмитт К.

Государство и политическая форма / К. Шмитт — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2010

Настоящий сборник работ Карла Шмитта, наиболее спорной фигуры в европейской правовой и политической мысли XX столетия, включает избранные фрагменты «Учения о конституции», фундаментального труда Веймарской эпохи. Помимо статьи, в которой Шмитт полемизирует с плюралистическими теориями, выступая с апологией сильного государства, в сборник также вошли две работы нацистской эпохи, позволяющие полнее представить карьерную и теоретическую траекторию немецкого мыслителя.

© Шмитт К., 2010

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2010

Содержание

Читая Шмитта	5
Учение о конституции (фрагмент)[20]	17
§ 16 БУРЖУАЗНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Карл Шмитт

Государство и политическая форма

Читая Шмитта
Олег Кильдюшов

*Все существенные представления духовной сферы человека
экзистенциальны, а не нормативны.
Карл Шмитт*

Существуют авторы, писать предисловие к которым – работа не (с)только неблагодарная, но и в каком-то смысле избыточная, поскольку их мысль с предельной ясностью говорит сама за себя. Карл Шмитт – как раз один из таких писателей, в отношении текстов которого совершенно неуместна претензия комментатора открыть в них нечто такое, что было бы скрыто от автора (и, соответственно, читателя) по недомыслию или невнимательности: пытавшийся всегда мыслить до конца, он совершенно открыто говорит о своих интеллектуальных и политических интенциях и своем самопозиционировании в культурном ландшафте эпохи, о своих – часто личных – отношениях с другими теоретиками права и государства. В противном случае здесь можно легко стать жертвой того, что Мишель Фуко назвал «фатальностью комментария», когда он вопрошал о возможности анализировать дискурс, «не измышляя никакого остатка, никакого избытка в том, что было сказано»¹. Поэтому вместо традиционного для статей данного жанра пересказа «краткого содержания» работ этого сборника, лишь нервирующего суверенного читателя, более важным представляется указать на некоторые особенности рецепции мысли нашего автора. Более того, своеобразной сверхзадачей краткого вступительного слова можно было бы считать попытку демонстрации возможности операционализации идей Шмитта в современном российском контексте, несмотря на их очевидную связь с экзистенциальным и интеллектуальным опытом ученого во время катастрофических событий немецкой истории первой трети XX века – поражения в Первой мировой войне, крушения Германской империи, а затем и Веймарской республики. Именно этот опыт во многом определил его интеллектуальную миссию – теоретический поиск стабильности форм политической организации общества, адекватных его социальному развитию, разрешение проблемы эффективности государственных институтов в целом и действенности права в частности. По сути, главный вопрос для Шмитта – это вопрос об условиях возможности права, его соотношении с политическим, его укорененности в социальной онтологии политического сообщества, то есть народа. В этом смысле Карл Шмитт как в межвоенный, так и в последующий период (например, в той же «Теории партизана»)² лишь продолжает свою интеллектуальную работу по обнаружению адекватных понятий для понимания новых исторических феноменов и новой социально-политической констелляции, систематически артикулировать которые уже невозможно при помощи давно запылившихся экспонатов из музея истории либеральных идей XIX века. Ведь этот операциональный дискурс должен не только иметь сугубо эвристическую ценность, но и описывать горизонт социального действия, например, в области принятия общезначимых политических решений. Он должен более или менее адекватно описывать опции коллективного действия,

¹ Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. С. 19.

² Эта книга хотя и была написана в 1960-е годы, но является прямым продолжением мыслительного труда Шмитта в межвоенный период: даже ее подзаголовок «Промежуточное замечание по поводу понятия политического» отсылает к работе «Понятие политического» – самому известному его сочинению того времени.

доступные и понятные большинству акторов, то есть быть совместимым с их реальным опытом. Стоит ли говорить, что дополнительную трудность (из-за теоретической остроты и практической сложности) в проблему вносит необходимость определения самого вектора социальных изменений. Последнее особенно актуально сегодня ввиду общей антидемократической направленности многих структурных изменений позднего капитализма, антимодерновые последствия которых могут быть выражены формулой «модернизация без модерна» или «либерализм против демократии». Без понимания этой титанической миссии Шмитта, возложенной им на себя самого, невозможно понимание успеха его работ, в том числе у нас.

Карл Шмитт в современной России

В последние годы мы наблюдаем заметные изменения в российском дискурсивном пространстве, одним из самых ярких симптомов чего является «внезапное» появление/ренессанс/реабилитация новых/старых/забытых имен, маркирующих определенные интеллектуальные традиции прошлого. Здесь можно назвать множество мыслителей, например некоторых постмодернистских писателей или «возвращенных» героев русской традиции, ставших для широкой читающей публики просто культовыми фигурами. Сегодня одним из таких вновь обретенных классиков для современной России – причем на первый взгляд довольно неожиданно – становится выдающийся немецкий правовед и историк Карл Шмитт. Несмотря на то что его интеллектуальное акмэ пришлось на 20-30-е годы прошлого века, его произведения у нас сегодня активно издаются, труды цитируются интеллектуалами самых различных направлений, а серьезная научная рецепция сопровождается даже определенной модой на него в (около) интеллектуальных кругах. Недавно вышедшие по-русски его относительно поздние «Номос земли»³ и «Теория партизана»⁴ лишь подтверждают этот факт. Все это уже неоднократно подмечалось другими авторами и даже почти успело стать общим местом. При этом многие участники русского дискурсивного процесса уже априори исходят из того, что статус Шмитта как нового классика является свершившимся фактом, и особо не утруждают себя вопросами о том, что, собственно, квалифицирует этого выдающегося ученого в качестве своеобразного «теоретика эпохи 00-х». Хотя активная рецепция работ некоего автора, написанных в 20-30-е годы XX века, еще мало что объясняет в российской культурно-семантической ситуации последних лет, в рамках которой стал возможен «шмиттовский ренессанс». Скорее наоборот – этот феномен сам по себе заслуживает определенного внимания. В другом месте я уже пытался дать ему свое объяснение в провокативно-публицистической форме⁵. Возможно, что именно работы данного периода (в том числе политически одиозные) – уже в силу своей политико-исторической локализации (время краха Веймарской демократии и установления нацистской диктатуры) – должны помочь нам в разгадке «тайны» Карла Шмитта, то есть в понимании источника возрастающей эвристической и майевтической ценности его работ для анализа современного мира и современной России. Ведь в некотором смысле наше положение напоминает Веймарскую Германию после поражения в Первой мировой войне и экономического краха, когда там возник феномен «республики без республиканцев»: политико-правовые институты и дискурсы, заимствованные немцами из либеральной эпохи прошлого, XIX века, оказались неэффективны в новых социальных условиях. А если учесть аспект внешнеполитического унижения великой нации в результате Версальского «мира» и экономический аспект мирового кризиса (Великая депрессия), то сравнение обеих ситуаций напрашивается

³ Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

⁴ Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2009.

⁵ Кильдюшов О. Карл Шмитт как теоретик (пост)путинской России. Чудесное превращение из маргиналов в новые классики // Политический класс. 2009. № 1.

само собой. И хотя подобное сравнение межвоенной Германии с современной Россией и стало общим местом, даже набившим оскомину у многих, все же применительно к операционализации мысли Шмитта оно вполне релевантно – уже ввиду схожести положения наций, каждая из которых пережила распад государственных институтов во время собственной геополитической катастрофы, а также ввиду необходимости в неблагоприятных внешних условиях искать свое собственное «решение» в виде строительства адекватных государственно-правовых институтов⁶.

Как читать классиков?

Итак, Карл Шмитт как теоретик современной России. Почему и как сегодня можно и *нужно* читать политико-правовые работы Шмитта? Тем более в России начала XXI века. Чисто интуитивно в голову приходят как минимум две стратегии интерпретации текстов традиции с соответствующими им тактиками организации сообщества (по)читателей и борьбы за «правильность интерпретации» и/или «научность». *Первая* стратегия – «фундаментальная», а лучше – фундаменталистская или музеалистская. Как следует из ее названия, при данном подходе основные усилия узкого круга специалистов (в данном случае так называемых «шмиттоведов») направлены на эмпатически-историзирующее воспроизведение центральных тем, вопросов, методов, а также выявление предшественников, противников и т. д. того или иного автора. Естественно, вполне в духе великого немецкого историка Леопольда фон Ранке: *wie es eigentlich gewesen* – «так, как это было на самом деле», и никак иначе. Стоит ли говорить, что при этом борьба за «истинного» или «подлинного» классика часто является не чем иным, как борьбой за «собственного» классика, то есть борьбой за собственный статус эксперта *по имярек*. В результате тексты традиции остаются неинтересными для интеллектуального сообщества в целом ввиду их несостоявшегося введения в общекультурный оборот. Еще одним печальным следствием такого рода музеализации являются значительные трудности при реконструкции и соотнесении структурных проблем традиции с актуальными темами дня сегодняшнего, при попытках их перевода на язык современной мысли. Вряд ли нужно объяснять, что употребление при интерпретации классиков предикатов «правильный» или «точный» лишь повторяет собственную позицию комментатора, при этом усиливая ее средствами сциентистской риторики. Это обстоятельство часто остается незамеченным самими участниками «борьбы за признание», чья постоянная апелляция к научности довольно успешно легитимизирует их право продавать билеты неопитам в свой собственный музей «истинного знания».

Вторая мыслимая стратегия, напротив, позволяет читателю несколько вольно обращаться с корпусом текстов традиции, превращая грандиозные памятники мысли прошлого в своего рода каменоломню для актуального интеллектуального строительства, часто без всякого пиетета (что вовсе не означает отсутствие респекта) перед титанами прошлого и их (само)уполномоченными представителями в настоящем. При подобном, презентистском, подходе архаичным выглядит уже сам пафос восстановления картины прошлого, основанный на наивной, но от этого не менее агрессивной иллюзии (дисциплинарного типа) существования одного подлинного прошлого в истории идей. Презентизм не слишком волнует так называемая «проблема

⁶ В качестве относительно недавнего примера рефлексии новообретенной роли еще в недалеком прошлом «откровенного фашиста» Шмитта в современном российском интеллектуальном процессе можно привести высказывание В. Куренного, который прямо называет Шмитта референтной фигурой, маркирующей ту интеллектуальную перспективу, понятийный аппарат которой «позволяет продуктивно (аналитически, а не идеологически) фиксировать некоторые особенности современной российской политической ситуации». Причем Куренной подчеркивает, что «в этом не следует видеть влияние запоздавшей российской моды на Шмитта, хотя она, конечно, сама по себе тоже не случайна». Здесь он ссылается на Джорджо Агамбена, заметившего, что «именно Шмитт верно уловил одну из основных особенностей политической эпохи, наступившей после Первой мировой войны и продолжающейся до настоящего времени». См.: *Куренной В.* Мерцающая диктатура: диалектика политической системы современной России // *Левая политика*. 2007. № 1.

искажения» или, точнее, модернизации: случаи (из)обретения новых интерпретаций традиции ничем не отличаются от языковых инноваций в науке. Ведь очевидно, что лишь после дифференциации полезного и бесполезного, неизбежно составляющих любую большую или просто удачную идею, можно, отделив содержание от содержимого, прийти к более или менее точному методу. Подобная дифференциация возможна только после эвристики, рабочей концептуализации идеи, перевода новых или чужих форм артикуляции, метафор и образов на родной или уже знакомый язык, в свой семантический контекст. Стоит ли говорить, что успех понимания всегда не в меньшей степени зависит от благожелательной заинтересованности, чем от соблюдения вышеозначенного методического порядка. В противном случае слишком поспешная критика новой идеи превращается в самосбывающееся предсказание или, как сказал бы Гегель, в предрассудочное (о)суждение. Вклад заинтересованного читателя (он же неангажированный интерпретатор) в столь длительную дискуссию со столь обширным корпусом текстов, каковым является «шмиттиана», может состоять в обнаружении (прежде всего – для себя) некоторой базовой перспективы для интерпретации развития политических сообществ. Ведь зачастую важнее предложить некую – и, как всегда, хочется надеяться – новую, интересную и внутренне непротиворечивую интерпретацию, чем доказывать, что она во всех деталях дословно подходит к понимаемому тексту или к интерпретируемым ею явлениям. Естественно, не может быть и речи о том, что предложенное толкование идей такого «проблемного» классика, как Карл Шмитт, является настолько правильным, что исключает все остальные альтернативы. Подобные эпистемологические амбиции были бы не только архаичны, но и *a priori* несостоятельны...

(Не) опасаясь за прошлое?

Несмотря на то что российские издатели продолжают бить все мыслимые рекорды отваги, издавая дискурсивно «опасные» книжки, подобные представляемому здесь сборнику политико-правовых текстов Шмитта межвоенной поры, прошедшая недавно публичная дискуссия известных интеллектуалов показала всю остроту проблемы. Причем подобное расширение границ дозволенного вполне ожидаемо порождает широкий спектр болезненных реакций – от истерик полного отторжения у политически ангажированных читателей определенного направления до вполне законных вопросов «по существу» у профессиональной публики. Вроде тех, что озадачили В.Анашвили: «Что делать с национал-социалистическим наследием в нашу взрывоопасную эпоху дискурсивного дефицита? Как изучать это наследие?

Как комментировать? Как, не опасаясь нацистских теней, колышущихся в темных углах современности, читать тексты Юнгера, Шмитта, Фрайера, других значительных мыслителей, которых можно отнести к предтечам или теоретикам нацизма? Не опасаясь? Опасаясь не их?...»⁷ Видимо, понимая особую проблематичность публикации теоретиков «консервативной революции» в стране, победившей фашизм, некоторые их издатели обращаются в послесловиях за «гуманитарной помощью» к ряду известных еврейских интеллектуалов, отдававших должное высочайшему теоретическому уровню работ «падших ангелов» немецкой мысли XX века. Но, вероятно, одна из проблем адекватной рецепции наследия «проблемных» авторов – даже вне вполне ожидаемых обвинений издателей в пропаганде фашизма – кроется в другом. Речь идет о соотношении их «греховных» текстов со всем корпусом публикуемого наследия, причем это касается не только политически одиозных сочинений Карла Шмитта. Так же неоднозначно обстоит дело и с книгой Шпенглера «Годы решений» и другими сочинениями теоретиков «консервативной революции», написанными в данную эпоху. Спорность издания этих

⁷ Анашвили В. Рецензия на книгу: Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933. М.: Скимень, 2008 // *Пушкин*. 2009. № 2. С. 191.

текстов в современной России не столько в «фашистском» контексте, сколько в приоритете для русского читателя публикации тех или иных трудов, в полноте издания основных работ, необходимых для нормальной, то есть не идеологизированной, рецепции. Ну, а то, что для культурного освоения необходим доступ на русском языке ко всему корпусу текстов классиков, пусть даже «падших», будут оспаривать лишь особо идейные борцы определенной ориентации, не без успеха пытающиеся редуцировать крупнейшую катастрофу европейского модернизма к проблеме «исторической вины» немцев. Причем здесь часто трудно отличить познавательный интерес от чисто маркетингового, когда структурные проблемы запаздывающей модернизации переводятся в поле политического морализаторства, открывая для заинтересованных культур- и политпредпринимателей опцию соизмерять «двенадцать коричневых лет» с полуторатысячелетней историей великой культурной нации. Наше конкретное решение – показать посредством данного сборника идейную динамику Карла Шмитта на рубеже 1920-1930-х годов – вполне укладывается в просветительскую программу обеспечения интересующейся публики текстами для нормальной «работы понятия». Ведь какова должна быть издательская стратегия, все равно определять самим издателям, стремящимся как улавливать, так и формировать спрос у читающей публики, несмотря на неизбежные в таких случаях обвинения в «потакании низменным стремлениям националистов и антисемитов». Ну, а в том, что в случае предлагаемого здесь публике издания подобные инвективы неизбежны, убеждает идеологическая направленность двух статей сборника, написанных после прихода нацистов к власти. Не говоря уже о самом заголовке опуса «Фюрер защищает право». На этом, мягко говоря, проблематичном фоне хоть как-то риторически «спасти» предприятие довольно сложно, если вообще возможно. Подобные, по-человечески вполне понятные, но с точки зрения истории мысли совершенно избыточные, инстинктивные старания издателей, редакторов и комментаторов Шмитта, Юнгера или Хайдеггера реабилитировать или релятивизировать данных «фашистских писателей» напоминают попытки путем обращения к прошлому символически спасти его, как бы не дать ему свершиться во всей его катастрофичности. Однако мы знаем исход той истории. Так стоит ли нам в таком случае продолжать опасаться за прошлое?

Контекст

Обычно для демонстрации историчности мысли того или иного автора указывают на некоторые биографические и исторические индикаторы. В подтверждение глубокой укорененности мысли Карла Шмитта в веке войн и катастроф также принято указывать на его долгую, почти вековую жизнь: он родился в 1888 году в Плеттенберге в Зауэрланде и умер там же в 1985 году. При этом Шмитт был не просто свидетелем конвульсий западной цивилизации, но был лично вовлечен в потрясшие мир события первой половины XX века. Именно на этой исторической территории развертывалась его мысль о праве и государстве. Или, говоря словами одного французского исследователя мысли Шмитта: «Мысль в данной ситуации обретает смысл только в свете этого исторического опыта и абсолютной новизны проблем, которые две мировые войны поставили как перед политическим мыслителем, так и перед юристом. Двойная вовлеченность Карла Шмитта – интеллектуальная и политическая – не может быть объяснена должным образом вне связи с этим контекстом»⁸. Но в первую очередь Шмитт юрист, причем не только по образованию: он с 1907 по 1915 год изучал право в университетах Берлина, Мюнхена и Страсбурга, где и защитил диссертацию по уголовному праву о видах вины. Даже выступая в роли политического ученого и публициста, он всегда говорит как юрист, поражая не только широчайшей эрудицией, остротой или глубиной мысли, но и точностью формулировок.

⁸ Tuchscherer E. Vouloir la guerre. Carl Schmitt: le politique entre décision et politique // *Europe. Le miroir brisé*. Lyon: Sens Public, 2006. P. 89.

Его последующая деятельность как политического аналитика и комментатора, принесшая ему широкую известность в Веймарской республике, проходила одновременно с его академической карьерой ученого-правоведа в различных учебных заведениях Германии – сначала в Высшей торговой школе Мюнхена, а затем в университетах Грайфсвальда, Бонна, Кельна и Берлинской Высшей торговой школе, пока наконец он не получил в 1933 году профессорскую должность в Берлинском университете. Последнюю он занимал вплоть до увольнения с государственной службы в 1945 году – уже после капитуляции. В то же время его славе оригинального мыслителя способствовал своеобразный стиль, выходящий за рамки чисто юридического мышления и использующий широкий спектр поэтических метафор и мифологических образов.

Уже в 1920-е годы Шмитт становится одним из лидеров борьбы с так называемым нормативизмом, или «теорией чистого права», олицетворяемой Гансом Кельзеном. Причина шмиттовской критики последней – в его конкретно-историческом и социологически комплексном подходе к политико-правовой проблематике: «Все понятия духовной сферы, включая понятие духа, сами по себе плюралистичны, их можно понять только исходя из конкретного политического существования»⁹. Иначе говоря, Шмитт не рассматривал право как некую закрытую и автономную систему, справедливо указывая на его связь с политической ситуацией и ставя вопрос о самих основах права и его исторической эволюции. С этим пониманием социальной онтологии как структурной рамки, то есть условия возможности правовой организации жизни определенного сообщества, непосредственно связана его политико-идеологическая вовлеченность 1920-х и особенно 1930-х годов, до сих пор в значительной мере определяющая рецепцию его мысли, которая в конечном счете привела его в лагерь сторонников национал-социалистического «решения» проблемы слабого государства (Веймарской республики). Как известно, этот альянс между крупнейшим политическим мыслителем XX века и нацистами длился недолго – уже в 1936 году люди рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера практически отстраняют его от активной политической деятельности. Тем не менее именно это сотрудничество стало для многочисленных комментаторов шмиттовских текстов своеобразным ключом к пониманию его основных политико-правовых сочинений межвоенной поры, включая «Учение о конституции», «Гарант конституции» и др. Это не удивительно, если вспомнить, за что (как бы антиципируя антидемократические и авторитарные тенденции нацистского государства) выступал Шмитт-теоретик: за сильное, дееспособное государство, за персонализацию власти в лице рейхспрезидента, не говоря уже о «белицизме» (Х. Хеллер) его понятия политического. Однако подобное, вполне законное прочтение Шмитта *post hoc*, к тому же во многом спровоцированное его собственным «принципиальным оппортунизмом» вроде сочинения приведенных в данном сборнике «проблемных» текстов, имеет свои недостатки, так как в значительной мере закрывает возможность актуализации и операционализации его мысли в более широком контексте модернизационной проблематики.

Как уже говорилось, экзистенциальный и интеллектуальный опыт Веймарской Германии может представлять для нас интерес, поскольку в ситуации общенациональной катастрофы современникам Шмитта пришлось решать двойственную проблему своей «догоняющей модернизации», заключающуюся во временном и каузальном несоответствии между традиционными либеральными ожиданиями эффекта индивидуальных демократических свобод и новыми социально-экономическими рамками огосударствленного капитализма. В результате ускоренной демократизации в условиях тотального экономического кризиса немецкий народ в значительной своей части – как на левом, так и на правом фланге политического спектра – дистанцировался от октроированных норм Веймара, в то же время рассматривавшихся мировым

⁹ Schmitt C. Das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen // Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker und Humblot, 1963. Цит. по: Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 18.

сообществом в качестве основополагающих. То есть «опоздавшая», по словам Гельмута Плеснера, немецкая нация в совершенно новой обстановке оказалась в государстве, построенном по социально неадекватным образцам вроде парламентаризма XIX века, либерально-аристократической партийной системы и т. п. Испытав на себе деструктивное воздействие ряда старых понятий – продуктов давно прошедшей дискурсивной борьбы, возникших в ходе культурного и политического развития стран Запада, начиная со времен Просвещения и Великой французской революции, – немцы столкнулись с конститутивной силой базовых историко-социальных понятий прошлых эпох, которые продолжали влиять на саму политическую действительность даже в условиях радикальных социальных изменений. Ведь, как позже объяснил крупнейший историк понятий Райнхарт Козеллек, некоторые словечки суть не только «индикаторы» общественных и исторических процессов, но они могут и напрямую воздействовать на исторические изменения как «факторы» этих процессов. В качестве примера часто приводятся такие понятия, как «демократия», «парламентское представительство», «правовое государство», «права человека» и т. д. Их сегодня называют «деонтическими понятиями», то есть понятиями должностности, указывающими на то, что необходимо реализовать (например, понятие «социализм» указывает на задачу строительства социалистического общества). Подобные базовые понятия сами становятся некой действующей структурой исторического процесса. Именно на эту конститутивную способность понятийного аппарата (в том числе заимствованного у прошлого или у настоящего более продвинутых западных соседей) обратил свой острый аналитический взор Карл Шмитт. В связи с этим он указывает на ключевую проблему современного ему общественно-политического дискурса, пытающегося при помощи концептуального языка либеральной буржуазии XIX века адекватно работать в новых институциональных условиях. По сути, речь идет о своеобразных дискурсивных минах замедленного действия, конститутивных для западной интеллектуальной традиции, но в то же время являющихся непреодолимым препятствием для адекватного анализа рамочных условий коллективного действия применительно к тогдашней Германии. Шмитт показывает различные пласты из истории мысли, продолжающие странным образом сосуществовать в одной и той же голове и оказывать влияние на современное мышление. Таким образом, важнейшие институты и нормы, возникшие в предшествующий период и сохранившие свою действенность, оказались основаны на социально-политических предпосылках, которые достались Европе в наследство еще от предыдущих эпох борьбы буржуазного либерализма с королевской властью. Однако, как исторически верно замечает Шмитт, возникновение суждений, например, о буржуазном правовом государстве или парламенте как о представителе народа или общества было возможно лишь в определенной политико-дискурсивной ситуации. Сам конструкт «парламент, представляющий народ» и гарантирующий как бы уже самой природой подобного «представительства» защиту народных прав и свобод, был политико-полюсическим понятием, направленным против существовавшего монархического военно-чиновнического государства¹⁰. Стоит ли говорить, что все это принципиально изменилось и в значительной мере утратило какой-либо смысл, когда данная дуалистическая конструкция – «государство vs. общество», «правительство vs. народ» – потеряла былое напряжение. Если государство становится «самоорганизацией общества», тогда исчезает предпосылка различения государства и общества. Или, как пишет Шмитт в одной из своих работ данного периода: «Наше государственное сообщество находится в процессе изменений, и характерный для настоящего момента поворот к тотальному государству с его неизбежной тенденцией к плану (а не к свободе, как сто лет назад) сегодня типично предстает как поворот к государству управления»¹¹. Проследивая данное движение от абсолютистского государства XVII и XVIII веков через нейтральное государство либерального XIX

¹⁰ Об этом подробнее см.: *Schmitt C. Der Hüter der Verfassung*. Berlin: Duncker und Humblot, 1996. S. 73ff.

¹¹ *Schmitt C. Legalität und Legitimität*. Berlin: Duncker und Humblot, 1993. S. 10.

века к тотальному государству слияния государства и общества, Шмитт мастерски обнаруживает в политико-правовом дискурсе, в том числе в самой Веймарской конституции, различные историко-семантические пласты, указывая на то, что, несмотря на значительные социальные и политические изменения, странным образом продолжают свое хождение дискурсивные монеты, отчеканенные в далеком прошлом. А между тем правовое чувство, правовая практика и правовая теория, например, феодального государства, говорит он, радикально отличаются от правового мышления буржуазно-правового изменяемого порядка не только методом и содержанием конкретного вида судопроизводства: «Для правоведческого различения юридических видов мышления гораздо большее и глубокое значение имеет то, что различие проявляется в предполагаемых и основополагающих представлениях о некоем целостном порядке, в представлениях о том, что может рассматриваться в качестве *нормальной ситуации*, кто является *нормальным человеком* и каковыми являются рассматриваемые в правовой жизни и правовой мысли в качестве *типичных* конкретные фигуры жизни, подлежащей справедливому суждению. Без постоянных, неизбежных и необходимых конкретных *предположений* не существует ни юридической теории, ни юридической практики. Однако эти правовые предположения возникают непосредственно из конкретных предпосылок ситуации и человеческого типа, рассматриваемых в качестве нормальных. Поэтому они отличаются в зависимости как от эпохи и народа, так и от видов юридического мышления»¹².

Поэтому Шмитта всегда интересует конкретный рамочный порядок, но «не чисто нормативистски, поскольку с нормативистской точки зрения речь идет не о конкретных фигурах порядка, а лишь об абстрактных точках соотнесения, для которых все естественно совместимо со всем и внутренняя несовместимость никогда не может быть признана. Мы знаем, что норма предполагает *нормальную* ситуацию и *нормальные* типы. Любой порядок, в том числе и правопорядок, привязан к конкретным нормальным понятиям, которые не выводятся из общих норм, но выводят подобные нормы из своего собственного порядка и для своего собственного порядка»¹³. Более того, критикуя позитивистское мышление, якобы обладающее большей объективностью, прочностью, нерушимостью, определенностью и предсказуемостью, короче говоря – «позитивностью», Шмитт указывает на серьезные недостатки данного подхода. Ведь он эффективен лишь в условиях стабильной ситуации, когда действительно кажется возможным отвлечься от всех метаюридических аспектов. Однако часто многие перечисленные позитивные качества и преимущества в действительности являются преимуществами не какой-то законодательной нормы и человеческих установлений вообще, а эффективны лишь в ситуации относительно стабильного существования определенного государственного сообщества с определенным перераспределением власти внутри институтов. Что вовсе не гарантирует их эффективности в условиях кризиса самого политического порядка.

Приведенные примеры шмиттовского анализа политической семантики, призванной дискурсивно обслуживать функционирование массовой демократии при сохранении институтов либерального происхождения в эпоху структурных изменений позднего капитализма, наводят на мысль, что тогдашняя катастрофа Веймарской Германии была во многом обусловлена не только тем, что реальная социальная, политическая и правовая жизнь противоречила писаной норме конституции и другим формальным процедурам. Ведь смысл и значимость Веймарской конституции и других политико-правовых институтов исчезли при формально функционирующем государстве и действующем госаппарате. Проблема, видимо, глубже – речь идет о принципиальных трудностях институционального строительства в условиях, радикально отличных от времени возникновения и утверждения в своих правах значительной части базовых для

¹² Schmitt C. Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens. Berlin: Duncker und Humblot, 1993.

¹³ Ebd.

современной жизни семантических ресурсов, до сих пор определяющих силовые поля идентичности современных обществ, их институтов и самих их граждан.

Карл Шмитт как никто другой смог увидеть данную проблему, но своими собственным – политическим – действием показал, что ее решения не знает и он сам. Скорее, его опыт говорит нам *ex negativo*: участникам конкретных политических сообществ не на что и не на кого рассчитывать, поскольку в природе политики не существует никакой универсальной супертеории государства и права, – ни в славном прошлом великих идей, ни на цивилизованном Западе, – способной адекватно описать, кто они такие, в каком государстве живут и какое право осуществляют. Этим всегда в каждой конкретной ситуации придется заниматься им самим, если они не хотят, чтобы их «посчитали» другие.

О структуре сборника

Название сборника, взятое из названия главы основного текста – фрагмента работы «Учение о конституции», лишь частично отражает его содержание, что представляется неизбежным, учитывая разносторонность и широту интересов самого Шмитта. То есть здесь объединены тексты, различные не только по уровню теоретичности, но и по степени политической ангажированности автора: в одном он непосредственно вторгается в текущую политику, занимая вполне определенную позицию, в другом – ограничивается анализом политических процессов, ну а в третьем, как и положено теоретику, проясняет происхождение институтов и употребление понятий. При взгляде на представленные в книге работы, сразу может возникнуть впечатление определенной контингентности сборника. Ведь здесь фрагмент его важнейшей правоведческой работы «Учение о конституции» (1928) странным образом соседствует с политико-полемическим эссе «Государственная этика и плюралистическое государство» (1930), опубликованном в уважаемых *Kant-Studien*, а также с двумя его статьями, вышедшими в периодических юридических изданиях уже после прихода нацистов к власти, – «Новые принципы для правовой практики» (1933) и «Фюрер защищает право» (1934). Следует признать, что контингентность присутствует на самом деле. Более того, примечательным образом инициатива перевести и издать «Учение о конституции» поступила не из академической гуманитарной или издательской среды, а со стороны правоведческого сообщества, причем связанного с действующей властью. В ответ на выраженные сомнения издателя и переводчика в наличии в современной России целевой аудитории, способной воспринимать юридическую проблематику Германии конца 1920-х годов, нам поступило предложение опубликовать часть работы, несомненно представляющую интерес для более широкой публики в силу ее прямых политико-теоретических импликаций. С результатом этого компромисса читатель может ознакомиться в сборнике в виде фрагмента «Учения о конституции», где политический философ Шмитт указывает на социальные процессы, которые, с одной стороны, всегда предшествуют государству и конституции, а с другой – в любой момент могут представлять опасность и даже упразднить их. Как и в других работах, здесь он из различных теоретических перспектив рассматривает проблему обоснования права и действительности норм. Посредством обращения к известному со времен античности понятию политической формы – монархии, аристократии и демократии – он показывает, что любая современная конституция правового государства всегда является комплексным образованием, поскольку в ней помимо части, описывающей функционирование собственно правового государства, всегда присутствует вторая, политическая часть. В последней, по мнению Шмитта, связаны и смешаны между собой различные принципы и элементы политической формы¹⁴. При этом основными принципами, лежащими в основе любой формы

¹⁴ Schmitt C. Verfassungslehre. Berlin: Duncker und Humblot, 1993. S. 202.

организации политического сообщества, являются принципы *тождества* и *репрезентации*¹⁵. На основании различения и сочетания этих принципов Шмитт рассказывает увлекательную историю политико-семантической борьбы за понятия, напрямую связанную с политической борьбой за институционализацию правового государства как власти образованных и имущих классов. К тому же Шмитт, обычно имеющий устойчивую репутацию противника демократии, демонстрирует в тексте тонкое, в духе Руссо, понимание демократии как тождества политически гомогенного народа с самим собой и неоднократно выступает с острыми инвективами в адрес антидемократических тенденций буржуазного либерализма. Иногда они звучат вполне в духе левой критики буржуазного государства: «Народным собранием сегодня является скорее собрание пролетариев, чем собрание промышленников и интеллектуалов. Демократия превращается в пролетарскую демократию и устраняет либерализм имущей и образованной буржуазии»¹⁶. Хочется надеяться, что знакомство с данным фрагментом будет полезно для всех ценителей великолепной аналитической работы, причем не только для противников либеральной демократии, но и для ее сторонников, поскольку позволит последним по-иному взглянуть на собственный концептуальный аппарат.

Во второй работе сборника – «Государственная этика и плюралистическое государство» – речь идет об опасности утраты восприятия государственной целостности как непреходящей ценности. Имея перед глазами Веймарскую «республику без республиканцев», Шмитт указывает на необходимость различать принципиальное отличие государства от других сообществ и форм солидарности и настаивает на необходимости защиты его единства от распада ввиду реальности угроз со стороны разнонаправленных эгоизмов различных групп интересов. Последнее он и именует плюралистическим государством, используя в негативном значении одноименную концепцию Гаральда Ласки. Для передачи экзистенциальной нагруженности ситуации распада государства Шмитт использует здесь довольно пафосный стиль: «Если государственная этика становится проблематичной в действительности социальной жизни, тогда возникает невыносимое для каждого гражданина государства состояние, поскольку тем самым упраздняется нормальная ситуация и предпосылка любой этической и любой правовой нормы. В таком случае понятие государственной этики получает новое содержание и возникает новая задача – работа по сознательному установлению подобного единства, обязанность содействовать тому, что часть конкретного и реального порядка сможет реализоваться, а ситуация – нормализоваться. Тогда наряду с обязательством государства, заключающимся в его подчинении этическим нормам, и наряду с обязательством в отношении государства появляется еще одно совершенно иного рода государственно-этическое обязательство, а именно обязательство к государству»¹⁷.

Завершим представление текстов сборника небольшим замечанием о статье с говорящим названием «Фюрер защищает право». Она написана по следам так называемого путча Рема, после которого имперское правительство, наделенное к тому времени законодательными полномочиями, задним числом приняло Закон о мерах государственной защиты. Этот закон состоял из одной-единственной статьи, которая звучала так: «Меры, предпринятые 30 июня, 1 и 2 июля 1934 года для подавления нападений государственных изменников и предателей Родины, носят законный характер в качестве чрезвычайной защиты государства». Вскоре после этого Шмитт и написал свою статью в *Deutsche Juristen-Zeitung*, в которой дал формально-юридическое обоснование этому акту государственного террора. Примечательно, что в ней он, видимо вполне понимая проблематичность возложенной на себя задачи, обращается к явно ненацистскому дискурсу – практике «политических правительственных актов, которая полу-

¹⁵ Ebd. S. 204.

¹⁶ Ebd. S. 243.

¹⁷ Schmitt C. Staatsethik und pluralistischer Staat // Kantstudien, 35 (1930). S. 42.

чила правовое признание даже в либеральном правовом государстве»¹⁸, а также не к правовым, а историческим аналогиям с падением Германской империи осенью 1918 года. Здесь есть все основания для продолжения вечного спора между сторонниками теорий разрыва и преемственности в мысли Шмитта до и после 1933 года. С одной стороны, политическая форма, как и ранее у Шмитта, полностью пребывает в экзистенциальной сфере – существовании политически единого народа, а наличие конкретного политического порядка по-прежнему представляет для него непреходящую ценность. С другой стороны, очевидная угроза поспешной онтологизации окказиональных событий, пусть и имевших всемирно-исторические последствия, показывает значительную проблематичность шмиттовского подхода к образованию понятий, прежде всего в его попытках найти обоснование праву во внеправовой сфере. Здесь его вера в приоритет политического сыграла с ним злую шутку.

Очевидно, что многие работы Шмитта конца 1920-х – начала 1930-х годов с трудом поддаются однозначному делению на работы политически релевантные в узком смысле и на теоретические исследования политико-правовой проблематики. Это обстоятельство легко объясняется тем, что в политической сфере чисто научный интерес ученого был непосредственно связан с его личной вовлеченностью. Поэтому особенно в указанный период представляется проблематичной сама попытка более строгого различия между шмиттовскими статьями, «участвующими» в политике, и текстами, где предпринимается анализ политики и с точки зрения теории права. Несмотря на известный шлейф истории, именно в аргументативной форме политико-правоведческих работ Карла Шмитта заключена причина того, почему они и сегодня имеют для нас парадигматическое значение, даже если мы не разделяем его политические оценки или если обсуждаемые им проблемы (больше) не являются для нас актуальными. В чем противоречие демократии и либерализма? Во что грозят превратиться парламентские институты под усиливающимся натиском партийно-бюрократической машины? Как преодолеть структурные противоречия интересов агентов капитализма и массовой электоральной демократии? Каковы шансы права и государства вообще сохраниться в подобных условиях? Эти и многие другие темы и проблемы в своих важнейших пунктах позволяют понять, почему политико-правовая мысль Карла Шмитта остается для нас сегодня столь актуальной, но также не менее провоцирующей.

От переводчика

Как уже говорилось, переводчику не хотелось выступать в роли интерпретатора идей Карла Шмитта, которые в основном вполне прозрачны для понимания более или менее заинтересованным читателем и не требуют никакого особого образовательного ценза. Еще меньше ему хотелось бы, чтобы это толкование осуществлялось посредством самого перевода, так сказать, через заднюю дверь. Выбирая консервативную стратегию передачи содержания текстов на русский язык, переводчик стремился по возможности сохранить не только лексику и стиль автора, но и ритм разворачивающейся идеи. Отсюда – попытка сохранить синтаксис и пунктуацию максимально близкими к оригиналу, несмотря на очевидные стилистические проблемы, вытекающие из подобного выбора в пользу практически буквального перевода: неизбежная громоздкость конструкций вроде «кантовских» предложений-абзацев, лексические повторы в них и т. д. Однако думается, что переводчик не должен ставить перед собой задачу исправить стилистические погрешности автора. Тем более если речь идет не об изящной словесности, а о предметной, политико-юридической и в определенном смысле технической литературе, хотя и не лишенной собственной поэтики и интеллектуальной суггестии. Понятно, что при переводе всегда имеет место конфликт между самоценным языком оригинала и требованием читабель-

¹⁸ *Schmitt C.* Der Führer schützt das Recht // *Deutsche Juristen-Zeitung*, Heft 15 vom 15. August 1934. S. 945–950.

ности переведенного текста, и любое решение является более или менее приемлемым компромиссом, никогда полностью не удовлетворяющим ни одну сторону. Представляется, что в случае конфликта данных требований при переводе работ таких писателей, как Карл Шмитт, более предпочтительной задачей является адекватная передача контента его текстов, нежели их стилистическое совершенствование. Здесь можно сослаться на авторитет Лео Штрауса, говорившего о предпочтительности буквального (literal translation): «Нет высшей удачи для перевода философской книги, чем предельная буквальность, что он *in ultimitate literalis*... <...> Трудно понять, почему многие современные переводчики испытывают такой суеверный страх перед буквальным переводом»¹⁹. Примечательно, что издательство *Duncker und Humblot* при переиздании в 1993 году «Учения о конституции», устранив очевидные орфографические и иные грамматические ошибки оригинала, тем не менее сохранило стилистическое своеобразие его письма.

Закончу это краткое слово переводчика ссылкой на моего немецкого приятеля-политолога Аксея Кристиана Хорна, как-то заметившего по поводу постоянного использования Шмиттом лексики из католического словаря, что сегодня наш герой вполне мог бы оказаться почетным членом в *Opus dei*...

Вместо послесловия

В случае Карла Шмитта мы имеем дело не только с отдельным фактом запоздавшей рецепции очередного западного автора, но можем сделать более общие выводы как о действующих и иногда приводящих к странному результату механизмах межкультурного трансфера, так и о дискурсивной ситуации, характерной для нынешней России в целом. Тем более что в силу огромного темпорально-каузального смещения цивилизованное институциональное строительство практически провалилось, и мы все больше ощущаем себя в «вечной России», так хорошо известной нам по текстам классической русской литературы. Теперь понять ее нам помогает и «теоретический оппортунист» Карл Шмитт.

¹⁹ Цит. по: *Штраус Л.* Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 310.

Учение о конституции (фрагмент)²⁰

§ 16 БУРЖУАЗНОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА

1. Конституция современного буржуазного правового государства всегда является смешанной конституцией.

1. Если посвященную правовому государству часть [конституции] с ее обоими главными принципами – основные права (как принцип распределения) и разделение властей (как организационный принцип) – рассматривать саму по себе, то она не содержит никакой государственной *формы*, а лишь ряд ограничений и способов контроля государства, систему гарантий гражданской свободы и релятивизации государственной власти. Само государство, которое подлежит контролю, в этой системе рассматривается в качестве предпосылки. Хотя принципы гражданской свободы вполне могут модифицировать и регулировать государство, но они не могут из самих себя обосновать политическую форму. «Свобода не конституирует», как метко выразился *Мадзини*. Отсюда следует, что в любой конституции с частью, посвященной правовому государству, связана и смешана вторая часть, содержащая принципы *политической* формы.

Согласно древней традиции различают три государственных формы: монархию, аристократию и демократию. Это разделение предварительно может быть использовано и здесь; лежащее в его основе сущностное различие принципов политической формы будет затронуто ниже. Однако принципы гражданской свободы изменяют место и значение элементов политической формы и превращают формы *государства* в простые формы *законодательства* и *правительства*. Понятие правительства далее в свою очередь релятивируется и ограничивается в системе разделений и способов контроля посредством приоритета закона и независимости правосудия. То есть с помощью принципов гражданской свободы любое государство может *ограничиваться* в осуществлении государственной власти, несмотря на его форму государства или правительства. Осуществление этих принципов превращает любую монархию в ограниченную конституционно-законодательным образом – так называемую конституционную монархию, в которой важнейшим является уже не монархия, а конституционный момент. Точно так же изменяется политический принцип демократии, и из чисто демократического государства возникает *конституционная* демократия. Поэтому принципы гражданской свободы могут соединяться с любой формой государства, если только признаются ограничения государственной власти правового государства, а государство не является абсолютным.

Поэтому все теоретики государства буржуазного либерализма подчеркивают, что любая государственная власть должна быть ограничена. Когда они признают суверенитет, то пытаются отвлекающее понятие суверенитета конституции (то есть принципов правового государства) и абстрактного суверенитета справедливости и разума поставить на место конкретно существующего политического суверенитета. Всегда постоянно подчеркивается, что особенно суверенитет *народа* имеет свои границы и что даже в демократии не должны нарушаться принципы основных прав и разделения властей. Подчеркивается не только *Кантом* в его

²⁰ Перевод выполнен по изданию: *Schmitt C. Verfassungslehre*. Berlin: Duncker&Humblot, 1993.

государственно-теоретических спекуляциях, но прежде всего вождями буржуазного либерализма в его классическую эпоху – в XIX веке. «Народ не имеет права карать невиновных... как и не может никому делегировать это право. Народ не имеет права препятствовать свободному выражению мнения, или свободе совести, или процессу и защитным механизмам правосудия», – пишет *Бенжамен Констан* в своем труде «О свободе народа» (*Œuvres politiques*, 1874, р. 13). *Гизо* называет последовательно реализованную демократию хаосом и анархией. *Токвиль* разбирает угрозы «эгалитарной тирании» в знаменитой главе «Каких видов деспотизма должны опасаться демократические народы» («О демократии в Америке», том II, часть II, глава 6). *Дж. Ст. Милль* («О свободе», 1849, глава 2 «О свободе мысли и дискуссий») говорит: «Однако я оспариваю право народа осуществлять подобное принуждение (в отношении свободы мнений), будь то посредством (народного) решения, будь то посредством его правительства. В этом вопросе лучшее правительство имеет не больше прав, чем самое плохое». Сочинение *Милля* особенно характерно, поскольку под впечатлением 1848 года оно показывает противоречие либеральных и демократических принципов, противоречие, которое между тем стало еще больше осознаваться в результате соединения социализма и демократии. Сегодня необходимо признать различие этих двух принципов. Об этом см.: *Шмитт К.* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // *Карл Шмитт. Политическая теология. Сборник.* М., 2000. С. 189; *Теннис Ф.* Демократия и парламентаризм // *Ежегодник Шмоллера: Jahrbuch*, Bd. 51 (1927), S. 173f. Он же заявил в выступлении на Конгрессе немецких социологов (1926, S.35): «Частная собственность и разделение властей являются либеральными, а не демократическими принципами». Сюда же относится протест таких немецких правоведов, как *Х. Трипель* и *Й. Гольдшмит*, против злоупотребления законодательным полномочием и против абсолютизма решений большинства. Это различие признается сегодня даже в Соединенных Штатах, конституция которых осознанно построена на противоречии между правовым государством с разделением властей и демократией. Однако их политическая идеология до сих пор столь непроблематично и оптимистически говорила о демократии лишь потому, что она практически не нуждалась в осознании фундаментального противоречия. *Батлер*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.